

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Задача нравственного богословия, как науки

Опубликовано:
Христианское чтение. 1868. № 3. С. 355-366.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

ЗАДАЧА ПРАВСТВЕННОГО БОГОСЛОВІЯ, КАКЪ НАУКИ.

Нравственное Богословіе издавна считалось у насъ наукою не совсѣмъ удобною къ слушанію, говоря проще—скучною. Неохотно брались за нее и сами преподаватели.

Подобное воззрѣніе явилось не даромъ.

Нравственная сила есть столько же самостоятельный и живой дѣятель въ человѣкѣ, какъ и сила мысли. Но она опредѣляется въ своихъ обнаруженіяхъ представленіями, понятіями (1). По этому нравственность, практика всегда есть, въ большей или меньшей степени, результатъ теоріи, выводъ изъ догмата и отвѣченного тезиса. По этому она—элементъ менѣ подвижный въ процессѣ мышленія. Весь интересъ мыслительнаго процесса, съ его разнообразными комбинаціями представленій, остается на долю теоріи и догмата, а постулаты нравственного характера являются лишь какъ неизбежное

(1) Строго говоря, въ дѣйствительности такого раздѣленія между интеллектуальными и практическими силами въ душѣ не существуетъ. Все въ ней просто, все слито, все—неразложимая дѣльность. Нельзя указать, гдѣ кончаются обнаруженія мысли и гдѣ начинаются стремленія практическія. Но въ анализѣ психическихъ проявленій мысль является, какъ показатель и регуляторъ дѣятельности.

приложеніе или дополненіе къ нимъ. Постулаты этого рода гораздо менѣе подвержены анализу, они — почти не разложимы.

Здѣсь, какъ намъ кажется, одна изъ главныхъ причинъ того, почему нравственное Богословіе болѣе, чѣмъ всѣ другія Богословскія науки, вращается въ сферѣ схемъ и опредѣленій и отличается особенною бездѣятностію своего содержанія. Въ самомъ дѣлѣ, если другія Богословскія науки, построенныя схоластическимъ методомъ, иногда рѣжутъ глаза своими рубриками и утомляютъ мысль однообразіемъ своихъ приемовъ, то Богословіе нравственное переполнено ими.... Исключая начальные трактаты о нравственномъ законѣ, — трактаты общаго богословскаго и философскаго характера, все дальнѣйшее, специфически принадлежащее этой наукѣ, состоитъ почти изъ однихъ опредѣленій и раздѣленій. Часто эти опредѣленія имѣютъ слишкомъ общій характеръ и говорятъ не болѣе того, что любовь есть любовь, а смиреніе есть смиреніе. Единственная область въ нравственномъ Богословіи, гдѣ комбинируются различныя нравственныя представленія, это — область казуистическихъ вопросовъ. Но казуистика въ нравственности есть тоже самое, что софистика въ мышленіи. Не нужно прибавлять, что интересъ отъ этой игры въ нравственныя понятія, — игры измышленной католическими теологами, по преимуществу іезуитами, очень ничтоженъ....

Правда, въ замѣнъ этого, нравственное Богословіе прямо касается жизни и, вмѣсто отвлеченныхъ представленій, имѣетъ дѣло съ разнообразными обнаруженіями нравственности въ человѣкѣ дѣйствительномъ съ его страстями и съ тѣми коллизіями, въ какія ставитъ его

нравственная борьба, — область, полная живаго, реального интереса....

Но задача науки, какъ науки — все таки — понятіе; — живаго, дѣйствительнаго человѣка она въ нѣкоторой мѣрѣ — обязана подвести подъ идеаль, подъ норму, вставить въ рамку, чтобы онъ могъ имѣть въ ней мѣсто. Иначе она превратилась бы просто въ рассказъ о нравственныхъ подвигахъ, или въ исторію развитія страсти. А главное — все это очень трудно.

Трудно — потому прежде всего, что для этого нужно глубоко изучить и знать жизнь. А это дается не всякому и, быть можетъ, всего менѣе людямъ научнымъ. Но и этого мало. Мало знать жизнь со всѣмъ разнообразіемъ человѣческихъ проявленій, со всѣми изгибами страстныхъ движеній, со всею глубиною различныхъ импульсовъ, которые движутъ человѣческою дѣятельностію, чтобы воспользоваться, какъ должно, этими богатыми матеріалами. Нужно обладать еще чисто художественнымъ тактомъ, нужно имѣть особенную способность схватывать характерныя, типичныя явленія. Иначе описаніе проявленій нравственности, взятыхъ изъ самой жизни, будетъ несравненно хуже, безсодержательнѣе всякаго самаго безсодержательнаго логическаго опредѣленія ихъ. Иначе — картина добродѣтели или порока будетъ безжизненнѣ всякой, самой мертвой научной формулы. Да у насъ и есть эти картины нравственныхъ подвиговъ, полныя своего рода художественности, есть этотъ своего рода священный эпосъ, писанный подъ вліяніемъ самаго живаго, непосредственнаго чувства вѣры и благоговѣйнаго одушевленія, отличающійся безыскусственностію и самою цѣльною простотою. Разумѣемъ наши сказанія о жизни святыхъ. Ихъ любить нашъ

непосредственно-вѣрующій народъ, и, понятно, почему любитъ. Нравственный подвигъ является ему здѣсь въ живой, пластической формѣ, онъ усволяетъ нравственную истину своимъ чувствомъ и воображеніемъ гораздо скорѣе, чѣмъ усвоилъ бы разсудкомъ. Тѣмъ не менѣе — снова повторимъ—это далеко не наука нравственнаго Богословія, а только матеріалъ для нея—и эта послѣдняя, какъ и всякая другая наука, никакъ не можетъ отождествиться съ тѣмъ, что называется искусствомъ, картиной, типомъ....

Есть, однако же, другія стихіи научнаго свойства, которыя могутъ оживить науку нравственнаго Богословія и которыя должны быть внесены въ нее.

Это—прежде всего—расширеніе и усиленіе психологическаго и особенно историческаго элемента.

Въ самомъ дѣлѣ,—задача науки нравственнаго Богословія — указать нравственный идеалъ христіанства и уяснить формы его обнаруженій.

Но идеалъ этотъ, какъ и само христіанство, не смотря на свои неизмѣнныя и вѣчныя основы, есть явленіе историческое. До него и послѣ него были и являются иныя нравственныя воззрѣнія, иныя нравственные идеалы. Сопоставленіе того и другихъ совершенно необходимо для уясненія характера и содержанія перваго. Такимъ образомъ воззрѣнія древности и новѣйшія философемы необходимо соприкасаются съ внутреннимъ содержаніемъ науки нравственнаго Богословія и должны имѣть въ ней мѣсто. Это разъ.

Далѣе,—идеалъ этотъ осуществлялся въ дѣйствительности въ разнообразныхъ формахъ. Носители и представители нравственныхъ началъ христіанства оставили намъ множество примѣровъ христіанской жизни самаго

разнообразнаго характера. Разнообразіе это зависѣло не только отъ личныхъ характеровъ ихъ, личнаго одушевленія и проникновенія духомъ Евангелія, но отчасти и отъ общаго состоянія всего христіанскаго міра въ данное время, отъ духа эпохи и т. д., потому что полное отрѣшеніе исторіи христіанскихъ подвиговъ и раскрытія христіанской нравственности отъ общаго хода исторіи немислимо и невозможно, да его и не было въ дѣйствительности. Итакъ типическія обнаруженія христіанской нравственности подлежатъ — съ одной стороны — психическому анализу, съ другой — историческому приему изслѣдованія, безъ котораго явленіе ихъ не всегда было бы понятно. Въ примѣрѣ это яснѣе. Возьмемъ фактъ болѣе рельефный и выпуклый. Всѣмъ извѣстенъ подвигъ юродства и всегда онъ казался страннымъ, непонятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, — что значитъ это намѣренное подавленіе въ себѣ мыслительной силы? Зачѣмъ это видимое глумленіе надъ своею личностію? Зачѣмъ это видимое лицемеріе, притворство въ добродѣтели? Какъ можно сохранить чистоту чувства, позволяя себѣ соблазнительныя дѣйствія? Да и зачѣмъ производить соблазнъ въ другихъ? На этотъ вопросъ можетъ отвѣчать намъ прежде всего анализъ обнаруженій юродства, на сколько извѣстно оно въ исторіи. Всмотриваясь въ эти обнаруженія, мы могли бы придти къ заключенію, что это — *отрицательный* способъ представленія нравственнаго идеала въ жизни, — нѣчто подобное тому, что извѣстно въ поэзіи подъ именемъ отрицательнаго обнаруженія эстетическаго идеала. Возможно это послѣднее, возможно, чтобы поэтъ „плакалъ незрими́ми міру слезами“ въ то время, какъ смѣется, повидимому надъ недостатками и пошлостію жизни; возможно, чтобы

въ это время предносился ему положительный, чистый, свѣтлый идеалъ ея, — почему же невозможно первое? Правда — это первое несравненно труднѣе, — но мы и не говоримъ о тождествѣ этихъ далеко отстоящихъ явленій, мы говоримъ только объ аналогіи явленій, объясняющей намъ психическую возможность того, что извѣстно въ исторіи христіанства подъ именемъ юродства. Если бы мы обратили при этомъ вниманіе на время, когда являлись такіа лица, то еще болѣе объяснилось бы намъ значеніе ихъ нравственной дѣятельности, мы увидѣли бы, быть можетъ, что явленіе ихъ вызывалось состояніемъ общественной нравственности въ данное время, что это было время нравственнаго упадка, нравственнаго разложенія, время, когда положительные уроки нравственности мало могли имѣть значенія, когда нужно было дѣйствовать *отрицательно*, когда нравственный идеалъ блекнулъ, становился безцвѣтнымъ, когда нужно было учить добродѣтели чрезъ отвращеніе отъ порока, когда нужно было обнаружить всю наготу страсти и картиною порока учить добродѣтели. Мы увидѣли бы, быть можетъ, что къ этому направлены были и ихъ, повидимому, странныя дѣйствія.... Таково значеніе того *дѣйствительнаго* юродства, которое извѣстно въ исторіи христіанской нравственности и съ которымъ такъ часто у насъ смѣшиваютъ обнаруженія, не имѣющія съ нимъ ничего общаго и которыя служатъ не столько подобіемъ его, сколько обезображеніемъ и всего болѣе свидѣтельствуютъ о полнѣйшемъ непониманіи истиннаго юродства. Это — подвигъ не столько личный, сколько *общественный*, онъ предполагаетъ глубокое пониманіе жизни и глубочайшее нравственное самообладаніе. За то — это явленіе въ исторіи христіан-

ской нравственности очень рѣдкое и при томъ такое, на которое всегда смотрѣли какъ на исключительность...

Столько же, если не болѣе разнообразными представляются намъ обнаруженія христіанской нравственной жизни, когда мы посмотримъ на нее въ ея цѣломъ ходѣ, обнимающемъ собою и то, что называется жизнію общественною и гражданскою. Христіанство не дало опредѣленной формы для этой общественной жизни, — это было ниже его задачи. Религія всеобщей истины, религія духа и вѣчныхъ идеаловъ жизни — не опредѣляетъ преходящихъ формъ ея, измѣняющихся подъ вліяніемъ разнообразныхъ историческихъ условій быта. Но эти преходящія формы не могли не видоизмѣниться подъ вліяніемъ новыхъ началъ, завѣщанныхъ Евангелиемъ. Новыя нравственныя начала, начала въ высшей степени жизненныя не могли не осуществляться въ жизни. Но, какъ и всякія новыя начала, онѣ не могли быть вдругъ поняты и усвоены жизнію народовъ. Усвоеніе ихъ совершалось постепенно, оно продолжается доселѣ и будетъ продолжаться. Такимъ образомъ нравственныя начала христіанства могли не одинаково пониматься въ различныя времена христіанской исторіи, иначе на прим. въ средніе вѣка нашей, какъ и всякой другой исторіи, иначе нынѣ и т. д. Съ другой стороны жизнь христіанскихъ обществъ, какъ и мысль, не всегда положительно стремилась къ цѣлямъ христіанства, уклонялась отъ нихъ, создавала сама свои типы и идеалы нравственности. Словомъ—въ области жизни практической происходило то же, что и въ сферѣ интеллектуальной. Каждое время, каждая эпоха производила свои образцы и положительнаго пониманія христіанскихъ нравственныхъ началъ, и своеобразнаго отрицанія ихъ. Это своеобразное пони-

маніе нравственныхъ началъ чаще всего выражается въ литературныхъ типахъ, въ произведеніяхъ беллетристики. Разборъ этихъ нравственныхъ типовъ и положительнаго, и отрицательнаго характера, сопоставленіе ихъ съ нравственными идеалами христіанства, — также по праву можетъ имѣть мѣсто въ наукѣ, если только эти типы дѣйствительно имѣютъ характерное значеніе и служатъ выраженіемъ нравственныхъ воззрѣній времени.

Но все это болѣе или менѣе извѣстно и болѣе или менѣе входило въ содержаніе науки нравственнаго Богословія, и не на это по преимуществу мы хотѣли бы обратить вниманіе.

Доселѣ мы смотрѣли на обнаруженія нравственности съ обще-христіанской точки зрѣнія. Между тѣмъ христіанская истина, отъ начала и донинѣ, понималась различно различными народами и общинами, различно преломлялась, такъ сказать, въ обще-христіанскомъ сознаніи подъ вліяніемъ недоразумѣній сознательныхъ или несознательныхъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ историческихъ обстоятельствъ. Существуетъ такимъ образомъ множество общинъ и сектъ. И никакъ нельзя сказать, чтобы ихъ отдѣляла отъ насъ, главнымъ образомъ для единственно только теорія, Какъ ни общи иногда кажутся ихъ нравственныя начала съ нашими, какъ ни неуловимы отличія, они все таки—есть. Лишняя мысль точно также, какъ и отсутствіе извѣстной догматической мысли не могутъ не отражаться и въ практикѣ, или вѣрнѣе,—не могутъ не указывать собою на особенности въ самой жизни и практикѣ. Странно было бы не видѣть своеобразнаго вліянія на нравственную жизнь реформатства, на прим. породившаго пуританизмъ, своеобразно сложившаго нравственный типъ голландца.

Странно было бы не видѣть отличія католическихъ нравственныхъ началъ отъ нашихъ, не смотря на все видимое сходство—даже тожество въ общихъ тезисахъ нравственнаго Богословія. Да! въ догматикѣ католицизмъ не многимъ разнится отъ насъ, а въ нравственномъ ученіи—по видимому ничѣмъ или почти ничѣмъ. Между тѣмъ католицизмъ въ жизни представляетъ собою міръ совершенно противоположный нашему. Дѣло, очевидно, не въ численной разности, а въ томъ, что она выражаетъ собою, въ томъ характерѣ воззрѣнія, какое дается этою, повидимому, незначительною разностию. Еслибъ мы посмотрѣли на католицизмъ съ точки зрѣнія его общаго характера, выраженіемъ котораго служатъ его разности, то увидѣли бы, что его жизнь и быть не могутъ не быть совершенно отличными отъ другихъ христіанскихъ церквей, что всѣ жизненныя обнаруженія католицизма, такъ рѣзко отличающія его отъ насъ, въ немъ неизбѣжны, какъ результатъ его началъ. Что такое—въ самомъ дѣлѣ—католицизмъ съ точки зрѣнія его началъ? Это виѣшнее объективное воззрѣніе на христіанство. Все въ немъ виѣшне, начиная съ идеи Искупителя, олицетворенной въ образѣ Христа видимаго и кончая грубо чувственными церемоніями католическаго культа, все въ немъ направлено къ тому, чтобы, какъ можно менѣе, способствовать внутреннему, искреннему, свободному, самодѣятельному отношенію вѣрующаго къ христіанской истинѣ; —и этотъ папа — носитель и податель спасенія для всѣхъ, кто только проситъ этого, и это *opus operatum*, не требующее отъ вѣрующаго ничего, кромѣ желанія принять на себя дѣйствія іерархіи, и это запрещеніе вѣрующему непосредственнаго, личнаго знакомства съ

источниками вѣры... Словомъ—слѣпая вѣра, тертуліановское „*credo, quia absurdum*—и отсутствіе всякой автономіи и сознательности въ религіи,—вотъ, что полагается въ основу нравственной жизни въ католицизмѣ. Удивительны ли, послѣ этого, поражающія своимъ глубоко не нравственнымъ характеромъ жизненныя обнаруженія католицизма? Удивителенъ ли этотъ фанатизмъ католическій, отъ котораго онъ доселѣ не можетъ освободиться и который составляетъ его отличительную черту? Не есть ли онъ—напротивъ—явленіе самое логическое, самое необходимое въ жизни католичества? Церковь, въ основѣ быта которой лежитъ внѣшне-юридическое воззрѣніе на искупленіе, не можетъ быть проникнута чувствомъ мира и терпимости. Гдѣ все измѣряется чисто внѣшними, юридическими отношеніями, тамъ нѣтъ мѣста чувству любви, которая все примиряетъ, все прощаетъ. Тамъ, гдѣ строй церкви снятъ съ гражданскаго, государственнаго быта, гдѣ верховный первосвященникъ вмѣщаетъ въ себѣ и церковную и гражданскую власть, нельзя дѣйствовать только моральными средствами. А этотъ тѣсно связанный съ фанатизмомъ—іезуитизмъ, проявляющійся, какъ демоническая сила, дѣйствующая незамѣтно, но тѣмъ не менѣе въ высшей степени губительно, не знающая различія между добромъ и зломъ, *per fas et nefas* достигающая своихъ цѣлей? А софистическая доктрина этого іезуитизма о такъ называемомъ нравственномъ, „пробабилизмѣ“, въ концѣ концовъ разрѣшающаяся нравственнымъ нигилизмомъ? Что такое все это, какъ не порожденіе началъ католицизма? Да! послѣдователи Лойолы не привнесли ничего новаго въ сферу нравственной жизни католицизма, они только раскрыли во всей воз-

можною полнотѣ то, что лежало до нихъ въ нравственныхъ началахъ католичества, и что прежде уже проявлялось въ инквизиціи, вообще въ фанатическихъ дѣйствіяхъ католической церкви. Строго говоря—католикъ всегда болѣе или менѣе іезуитъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ духа любви, ревность по вѣрѣ не можетъ не быть страшною, не можетъ не обращаться въ личное чувство. А какъ скоро личное чувство руководитъ дѣйствіями, эти послѣднія перестаютъ быть нравственными... Что такое, наконецъ, сама наука католицизма, эта пресловутая схоластика, какъ не порожденіе тѣхъ же нравственныхъ началъ католицизма? Да! эта схоластика съ ея бездушнымъ, демонстративнымъ методомъ, съ ея стремленіями доказывать все *per fas et nefas*, разрешающаяся въ *methodus quodlibet—anus*, т. е. въ возможность все въ одно и тоже время и доказывать и опровергать — могла явиться только въ католицизмѣ, гдѣ требовалось чисто внѣшнее, юридическое отношеніе къ христіанской истинѣ. Но довольно. Подробный анализъ католическихъ нравственныхъ началъ показалъ бы намъ, что самый типъ праведности или святости здѣсь носить также особенный по большей части чисто внѣшній характеръ, что при отсутствіи внутреннихъ сердечныхъ возбужденій и подъ вліяніемъ внѣшнихъ пластическихъ формъ, которыми отличается католицизмъ (художественный элементъ въ этомъ вѣроисповѣданіи по преимуществу развитъ—и быть можетъ—въ ущербъ другимъ стихіямъ), религіозность обращается часто въ экзальтацію, иногда болѣзненную, въ эффектъ, часто ложный, въ настроенность, часто искусственную, въ дѣятельность мелочную, ничтожную. Читая описаніе жизни католическихъ подвижниковъ Кеа-

верія или Франциска, вы непременно встрѣтите здѣсь сложенные на персяхъ руки, воздѣтыя къ небу очи, услышите блестящія фразы изъ ихъ усть, но, прочитавъ біографію, не найдете ни глубины, ни искренности чувства. Все ограничивается какою-то фальшивою напряженностію чувства и воображенія. Но снова повторимъ подробный анализъ внѣ нашихъ цѣлей. Мы хотѣли показать только, что изслѣдованіе нравственныхъ особенностей въ различныхъ христіанскихъ церквахъ и общинахъ можетъ дать изъ себя богатый матеріалъ для науки нравственнаго Богословія, что это изслѣдованіе можетъ составить особый отдѣлъ въ этой наукѣ, который можетъ быть названъ *сравнительнымъ* отдѣломъ нравственнаго Богословія.

Для нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ предполагается элементарное знакомство съ содержаніемъ науки, все это, конечно, не необходимо, но для нашихъ высшихъ курсовъ это было бы далеко излишне...

А. Х.



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки